

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-80-84

ЛАЗАРЕВА Марина Николаевна,
заведующий кафедрой
теоретико-правовых и исторических наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: lazareva-mn@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ ПРАВАХ В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. Сложность и подвижность отечественного языкового регулирования, проявляющиеся в постоянном принятии поправок в законы о языках, а также в наличии большого числа нормативных правовых актов различной отраслевой принадлежности и различного уровня, содержащих «языковые» нормы, ясно свидетельствуют о незавершенности процесса нормативно-правового регулирования языковых отношений в нашей стране и вызывают потребность проведения исчерпывающего мониторинга его состояния.

Природа языковых правоотношений по законодательству России и Казахстана ставит их на грань личных (негативных) конституционных прав человека и социальных (позитивных) прав гражданина, а также основ конституционного строя (принципов государственной политики), что напрямую влияет на возможности судебной защиты правовых притязаний лиц и общностей и государственного финансирования их осуществления. Актуальность выделению отдельной группы (подгруппы) субъективных языковых прав в современном конституционном праве придает глобальный процесс ускоренного сокращения числа мировых языков, а также тотальная цифровизация общественных отношений.

Ключевые слова: языковые права, языковое законодательство, пределы правового регулирования, языковой капитал, государственный язык, Россия, Казахстан.

LAZAREVA Marina,
Head of Department of Legal Theory and History Sciences
of North-Western Institute (branch)
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
PhD in Law, Associate Professor

ON THE ISSUE OF LANGUAGE RIGHTS IN RUSSIA AND KAZAKHSTAN

Annotation. The complexity and mobility of domestic language regulation, appeared in the constant adoption of amendments to language laws, as well as in the presence of a large number of regulatory legal acts of various branch affiliation and various levels containing “language” norms, clearly indicate the incompleteness of the process of normative and legal regulation of language relations in our country and give rise to the need for comprehensive monitoring of its state.

The nature of linguistic legal relations under the legislation of Russia and Kazakhstan puts them on the verge of personal (negative) constitutional human rights and social (positive) rights of citizen, and also the foundations of constitutional system (principles of state policy), which directly affects the possibilities of judicial protection of legal claims of individuals and communities and state financing of their implementation. The relevance of identifying a separate group (subgroup) of subjective linguistic rights in modern constitutional law is given by the global process of accelerated reduction in the number of world languages, in addition by the total digitalization of social relations.

Key words: language rights, language legislation, limits of legal regulation, language capital, state language, Russia, Kazakhstan

3 а последние три года правовое регулирование Российской Федерации в сфере языковых отношений претер-

пело ряд изменений: в Федеральный закон от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке РФ» в феврале 2023 года и апреле 2024 года были

внесены новые положения; в июне 2025 года были включены «языковые» новеллы в несколько федеральных законов (о культуре, о защите прав потребителей, о государственной политике в отношении соотечественников за рубежом, об участии в долевым строительстве многоквартирных домов). В июне 2024 года Правительство утвердило Концепцию государственной языковой политики РФ, а в июле 2025 года Указом Президента № 474 были приняты Основы государственной языковой политики РФ.

Кроме того, правила об использовании языков в Российской Федерации содержатся в законах о рекламе, о средствах массовой информации, об образовании, о национально-культурной автономии, о гарантиях прав коренных малочисленных народов и других, и в них тоже время от времени вносятся изменения. Не надо забывать о законодательстве на уровне субъектов Российской Федерации, а также нормах, создаваемых органами местного самоуправления, которые вправе принимать решения, направленные на поддержку и развитие языков и культуры народов РФ, проживающих на территории муниципального образования, реализацию прав коренных малочисленных народов и других национальных меньшинств.

Вполне обоснованно с этой точки зрения выглядят заявленные задачи, и соответственно направления действующей государственной языковой политики России – проведение мониторинга состояния нормативно-правового регулирования отношений в сфере функционирования русского языка и языков народов России и его совершенствование.

Действительно, регулирование в рассматриваемой сфере весьма объемное, и его массив растет. Актуальным является кардинальное обновление Закона «О языках народов Российской Федерации», основа которого была принята еще Верховным Советом РСФСР в октябре 1991 года и поверглась многочисленным поправкам.

В Казахстане сложилась во многом схожая правовая ситуация, с той разницей, что государство является унитарным. Закон от 11.07.1997 г. № 151 «О языках в Республике Казахстан» претерпел 37 «волн» изменений с момента своего принятия, в том числе 8 «волн» - за последние три года. В 2023 году Правительство утвердило весьма объемную Концепцию развития языковой политики в Республике Казахстан на 2023–2029 годы. Аналогично имеются и другие законы с «языковыми» нормами (об образовании, о масс-медиа, о рекламе и т.д.).

Знакомство с действующими законодательными и иными актами обеих стран демонстрирует отличающиеся цели языковой политики каждой из

них: обеспечение «чистоты» русского языка и сбережение языков народов РФ, языковая адаптация иностранных граждан - в России; повышение удельного веса казахского языка и постепенный его перевод на латинскую графику - в Казахстане. В 2017 году был издан Указ Президента Республики Казахстан «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику», который предусмотрел постепенный переход на латиницу в течение нескольких лет.

Обсуждаемым является положение русского языка в Казахстане. Согласно ст. 7 Конституции Казахстана 1995 года, государственным языком признан казахский. Русский язык не называется в конституционном тексте ни государственным, ни официальным, в ч. 2 данной статьи указано, что русский «наравне с казахским официально употребляется» в государственных организациях и органах местного самоуправления. То есть русский язык в Казахстане является не официальным, а «официально употребляемым языком». Как разъяснил Конституционный Совет Казахстана (орган конституционного контроля), конституционная норма о том, что в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык не означает наделение последнего статусом второго государственного языка (Дополнительное постановление Конституционного Совета РК об истолковании постановления Конституционного Совета РК от 8 мая 1997 года N 10/2).

Законы России и Казахстана перечисляют основные области обязательного использования государственного языка: деятельность органов государственной власти и местного самоуправления (и управления в Казахстане), делопроизводство и официальная переписка с гражданами, судопроизводство, опубликование нормативных правовых актов, наименование географических объектов, государственное образование всех уровней, средства массовой информации, реклама, информация для потребителей, международное сотрудничество и некоторые другие.

Есть и отличия, например, казахстанский Закон о языках регулирует использование языков в области науки, включая оформление и защиту диссертаций (ст. 17), соответствующие развернутые положения можно найти в Концепции развития языковой политики в Республике Казахстан (раздел 7). В наших Законе о языках и Законе о государственном языке упоминается научная сфера, но только в контексте исследований языков народов России и подготовки научно-педагогических кадров для образовательных организаций с русским языком за рубежом. В Федеральном законе «О науке и государственной научно-техни-

ческой политике» от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ говорится лишь о языке документов о присвоении учебных степеней и званий (ст. 4). В российском научном сообществе, особенно в последние годы, активно дискутируются вопросы целесообразности размещения и учета публикаций ученых из РФ в международных базах данных (Web of Science, Scopus и других). Фактически в России есть два языка научного общения – русский и английский [4, с.46], но о последнем наши законодательные акты о языках молчат.

Любопытно, что Концепция развития языковой политики в Республике Казахстан упоминает английский язык в своем тексте 43 раза и приводит данные соцпросов, по которым доля взрослого населения Казахстана, владеющего английским, в 2022 году составила 28,5% (при этом доля населения, владеющего русским, за тот же период насчитывала 90,4%). Среди целевых индикаторов государственной программы Казахстана предусмотрена доля населения, владеющего одновременно тремя языками (казахским, русским и английским). Для сравнения французский язык в Концепции встречается 4 раза, немецкий – 3. Это подтверждает тезис о том, что в большинстве стран мира в настоящее время английский повсеместно находится на вершине иерархии «иностранных» языков [7, с.28].

Документы государственного планирования, акты президента и правительства являются обычно более мобильным источником правовых норм, по сравнению с законами, с точки зрения скорости их принятия и отражения действующих общественных отношений в стране. Интересно проанализировать обновленное языковое регулирование наших двух стран на предмет актуальных тенденций в развитии языковых прав.

В последние десятилетия все чаще говорят об отдельной группе (подгруппе) субъективных прав – языковых правах. Носителями таких прав могут быть как коллективные субъекты (республики в составе РФ, народы РФ, в том числе коренные малочисленные народы, малочисленные народы и этнические группы, не имеющие своих национально-государственных и национально-территориальных образований, этнические группы, национально-культурные автономии и т.д.), так и индивидуальные субъекты (граждане, иностранные граждане, лица без гражданства). Интересно, что ни Закон о языках народов РФ, ни Закон о государственном языке РФ, ни Закон о языках Казахстана, ни Концепции не используют термин «национальное меньшинство», только в более поздних Основах государственной языковой политики РФ от 11 июля 2025 года этот термин встречается один раз (п. 14). Среди субъектов языковых прав выделяют учащихся (обучаю-

щихся), родителей, учителей (преподавателей), пациентов и потребителей, получающих медицинские и иные услуги [6, с.191].

К какой же группе субъективных конституционных прав относятся языковые права – к личным (гражданским) правам или к социально-культурным правам?

С одной стороны, Конституции России и Казахстана почти слово в слово провозглашают право каждого на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, причем эти положения идут вслед за нормой о праве каждого определять и указывать свою национальную принадлежность (ст. 26 и ст. 19 соответственно). Даже расположение этих статей практически идентично: они идут после статей о праве на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, тайну переписки. После них следуют статьи о свободе передвижения, совести, слова. По формальному месту этих норм в тексте Конституций можно посчитать закрепляемые ими права личными. Да и по самой природе право на пользование родным языком и на выбор языка общения ближе к личным правам человека.

С другой стороны, здесь есть два нюанса, о которых хотелось бы сказать. Во-первых, надо понимать, что (к нашему счастью) не все отношения между людьми являются предметом правового регулирования, тем более конституционного. Можно поспорить с А.Н. Маркаровым, который в числе языковых прав называет «право на коммуникативное разнообразие, предполагающее право каждого на выбор произношения, словарного запаса, синтаксических конструкций и стиля» [6, с.193], так как выбор произношения вряд ли вообще регулируется правом. То есть большая часть нашего повседневного общения с близкими и друзьями находится вне пределов позитивного правового регулирования, соответственно она охватывается правом на неприкосновенность частной жизни, так называемым «privacy», границей, которую ни государство, ни какой-либо другой субъект не вправе пересекать.

И в этом смысле ряд языковых прав (прежде всего на общение и творчество на родном или ином языке) носят характер негативных свобод, которые человек в силах реализовать сам, без посторонней помощи, и которые защищают частное лицо от излишнего вмешательства в его внутренний мир. Как справедливо отметил Конституционный Совет Казахстана, «Конституция не регламентирует функционирование государственного языка, официально употребляемого языка и иных языков в быту, в межличностном, внутриколлективном общении, в негосударственных организациях» (Дополнительное постановление Конституционного Совета РК об истолковании

постановления Конституционного Совета РК от 8 мая 1997 года N 10/2). Не случайно наиболее распространенной языковой нормой в конституциях стран мира и в международных документах является общее провозглашение принципа равенства прав независимо от языка (российская ст. 19 Конституции, казахстанская ст. 14 Конституции, ст. 2 Всеобщей декларации прав человека, ст. 2 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и т.д.) [5].

Во-вторых, сфера воспитания и особенно образования выходит далеко за рамки частной жизни лица, и здесь без позитивного регулирования и активных усилий государства (в широком смысле) не обойтись. Получается, что права на воспитание и образование на том или ином языке более близки к социальным правам человека и гражданина и встраиваются в государственную политику в этих сферах. Отсюда вытекают действия государства по созданию, организации, материально-техническому, финансовому, учебно-методическому, кадровому и иному обеспечению образовательных учреждений всех ступеней, начиная от муниципальных детских садов и заканчивая аспирантурой в государственных высших учебных заведениях.

Разумеется, есть частные, коммерческие дошкольные и учебные учреждения, но их деятельность во многом также регулируется государством через нормы публичного и частного права. Например, ст. 16 Закона о языках в Республике Казахстан устанавливает, что «Республика Казахстан обеспечивает получение начального, основного среднего, общего среднего, технического и профессионального, послесреднего, высшего и послевузовского образования на государственном, русском, а при необходимости и возможности, и на других языках. В организациях образования государственный язык и русский язык являются обязательными учебными предметами и входят в перечень дисциплин, включаемых в документ об образовании». С этих позиций, регулирование языковых отношений образует как часть института конституционных прав человека и гражданина, так и часть института основ конституционного строя (конституционно-правового регулирования принципов государственной политики) в сфере воспитания и образования. Обычно это влияет на возможность через суд защитить свои языковые права, так как пределы судебного принуждения ограничены, когда речь заходит об осуществлении государственной политики и государственного финансирования.

Допускаем, что мы являемся свидетелями постепенного отмежевания языковых прав в отдельную группу (подгруппу) со своими характер-

ными чертами. Забегая вперед, можно провести аналогию с процессом правовой институционализации и конституционализации информационных прав, исторической основой которым послужили свободы «первого поколения» - свобода выражения мнений и свобода слова. Произойдет ли это с языковыми правами, покажет время. Говоря о субъективных конституционных правах, надо иметь в виду, что нормы конституционного права содержатся не только в текстах конституций, но и в других источниках права (вплоть до муниципального уровня). Об этом гласит ст. 55 Конституции РФ: «Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина». Хотя, конечно, сам факт закрепления того или иного права в национальной конституции в значительной мере продвигает дальнейшее правовое регулирование и доктрину по тому или иному вопросу.

В завершение данного небольшого обзора хотелось бы обратить внимание на развитие правовой терминологии в рассматриваемой сфере. Если сравнить тексты Закона о языках народов РФ и Федерального закона о государственном языке РФ с учетом поправок, во втором можно увидеть новые термины: «нормы современного русского литературного языка», «нормативные словари», «Национальный словарный фонд», даже Сеть «Интернет» встречается один раз (ст. 4.1). Терминология Концепции и Основ государственной языковой политики РФ более соответствует действительному положению дел: в них уже упоминаются цифровые технологии, системы правописания и автоматического перевода, онлайн-переводчики, поисковые системы, электронные СМИ, языковая адаптация иностранных граждан и т.п.

Что касается казахстанского опыта, хочется обратить внимание на употребление Концепцией развития языковой политики в Республике Казахстан на 2023-2029 годы выражения «языковой (лингвистический) капитал граждан». В частности, в разделе 4 «Видение развития языковой политики» провозглашается, что «современная языковая политика должна реализовывать гармоничную языковую политику, направленную на модернизацию казахского языка на основе латинской графики, дальнейшее повышение языковой культуры, а также развитие языкового капитала граждан, обеспечивая полноценную деятельность казахского языка как государственного». Это словосочетание в Концепции встречается еще трижды, правда, в Законе о языках в Республике Казахстан его нет, и что оно означает, в самой Концепции не поясняется.

Предполагаем, что речь идет о теории языкового капитала французского философа и социолога Пьера Бурдьё (Pierre Bourdieu, 1930–2002 гг.). В своей работе «Формы капитала» (1986) Бурдьё писал о культурном и социальном капитале, который человек может конвертировать в получение престижной должности и в другие личные преимущества [3]. Можно согласиться с тем, что знание языков вполне способно помочь преуспеть, особенно в многоязычном обществе [2]. Законодательные и иные акты России и Казахстана предусматривают целую систему обучения населения языкам, устанавливая среди прочего необходимость для государственных и муниципальных служащих проходить повышение квалификации на знание государственного языка. Особенно это актуально для Казахстана, где на практике многие документы разрабатываются государственными органами на русском языке и переводятся на казахский, который тем самым «стал лишь переводческим языком, не выполняя функции основного языка» (гл. 1 Концепции).

Таким образом, в последние годы в России и Казахстане активно выстраивается, «шлифуется» языковое правовое регулирование, которое включает не только конституционные нормы, но и законодательные отраслевые правила и государственные концепции и планы. Перед нашими странами в условиях глобализации и тотальной цифровизации общественных отношений стоят задачи по поддержанию и развитию, в первую очередь, государственных языков. В России особого внимания также требует сбережение языков народов РФ, так как многие из них находятся под угрозой исчезновения. Что касается языковых прав, то сейчас идет постепенный процесс их выделения в отдельную группу (подгруппу) в системе конституционных прав личности. По словам Х. Арсоза, по-прежнему не существует универсального понимания языковых прав [1, с.31]. Среди них можно увидеть права, которые по своей природе близки к личным (гражданским) правам человека, но в то же время языковые права в сфере образования имеют явно выраженный социальный характер и стоят на грани с основами конституционного строя.

Список литературы:

- [1] Arzoz X. The nature of language rights. JEMIE - Journal on ethnopolitics and minority issues in Europe, 2007, Vol. 6(2), pp. 1-35.
- [2] Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Языковой капитал в культурном и образовательном капитале // Социоллингвистика. 2020, № 2(2). С. 8–20.
- [3] Bourdieu P. The forms of capital – In: Richardson J. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education, Westport, CT: Greenwood, 1986, pp. 241–58.

- [4] Буянова Г.В. Язык научного общения в России: к истории вопроса // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7, № 1(22). – С. 43–46.

- [5] Кленов А.Л. Конституционный принцип равенства прав человека и гражданина независимо от языка в РФ и США (сравнительно-правовой анализ): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Саратов, 2012. – 171 с.

- [6] Маркаров А.Н. К вопросу о понятии и содержании языковых прав в конституционном праве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2. – С. 187–196.

- [7] Phillipson R., Shutnabb-Hangas T. Linguistic human rights and English in Europe // World Englishes, 1997, Vol. 16, No. 1, pp. 27–43.

References:

- [1] Arzoz X. The nature of language rights. JEMIE - Journal on ethnopolitics and minority issues in Europe, 2007, Vol. 6(2), pp. 1-35.
- [2] Bogdanov S.I., Marusenko M.A., Marusenko N.M. Yazykovoj kapital v kul'turnom i obrazovatel'nom kapitale [Language capital in cultural and educational capital] // Sociolingvistika. 2020, № 2(2). P. 8–20. (In Russ.).
- [3] Bourdieu P. The forms of capital – In: Richardson J. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education, Westport, CT: Greenwood, 1986, pp. 241–58.
- [4] Buyanova G.V. Yazyk nauchnogo obshcheniya v Rossii: k istorii voprosa [Language of scientific communication in Russia: history of the issue] // Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya. – 2018. – Т. 7, № 1(22). – P. 43–46. (In Russ.).
- [5] Klenov A. L. Konstitucionnyj princip ravenstva prav cheloveka i grazhdanina nezavisimo ot yazyka v RF i SShA (sravnitel'no-pravovoj analiz) [Constitutional principle of equality of human and civil rights regardless of language in the Russian Federation and the USA (comparative legal analysis)]: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. – Saratov, 2012. – 171 p. (In Russ.).
- [6] Markarov A.N. K voprosu o ponyatii i sodержanii yazykovykh prav v konstitucionnom prave [On the issue of concept and content of linguistic rights in constitutional law] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. – 2014. – № 2. – P. 187–196. (In Russ.).
- [7] Phillipson R., Shutnabb-Hangas T. Linguistic human rights and English in Europe // World Englishes, 1997, Vol. 16, No. 1, pp. 27–43.